

НАША СТРАНА

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847
Buenos Aires Argentina

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ
"НUESTRO PAIS"

SEMANARIO MONARQUICO RUSO
Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 523.142

Correo
Central B.
Argentina

FRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233

INTERES GENERAL
Concesión No. 3980

AÑO IX Buenos Aires, Jueves, 18 de abril de 1957

Буэнос Айрес, четверг, 18-го апреля 1957 г.

№ 378

Христос Воскресе!

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

55. ОТРАДНЫЕ ИТОГИ ПЕРЕВЫБОРОВ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ — ПОДРОБНОСТИ УБИЙСТВА ЧЕКИСТА М. М. КОЗЛОВА — НОВЫЕ ДЕТАЛИ СОВЕТСКОГО ЭТИКЕТА — ГЛУПАЯ КАМПАНИЯ ПРОТИВ ГЕНЕРАЛА ШПЕЙДЕЛЯ — СОВЕТСКАЯ ВОЕННАЯ МИССИЯ В ЕГИПТЕ РУКОВОДИТ ЧЕХОСЛОВАЦКИМИ ИНСТРУКТОРАМИ — ДЕСТАЛИНИЗАЦИЯ ГРЕЧЕСКОЙ КОМПАРТИИ И РЕАБИЛИТАЦИЯ КРОВОЖАДНОГО ПОХИТИТЕЛЯ ДЕТЕЙ МАРКОСА ВАФИАДИСА — ЧТО ТВОРИТСЯ В ПАТРИАРХИИ

Обычно выборы в советы являются пошлой советской комедией заклеивания за ширмой конверта с бюллетенем, содержащим имя единственного кандидата "блока коммунистов и беспартийных".

Правда, в числе немногих избирателей я доставлял себе удовольствие приписать к фамилии такого сталинского кандидата подходящее к нему крепкое русское словечко, никого из предосторожности в эту проказу не посвящая.

Вскрытие конвертов и подсчет производился избирательной комиссией из высокопоставленных партийцев и их клеветов, а потому верить их утверждениям, что голосовало 98% или 99% избирателей и что 99,9% бюллетеней были за кандидата "сталинского блока" можно не больше, чем любой лжи советской печати или дипломатической ноты.

Но, вот, теперь эта же печать почему-то сообщает, что на выборах в РСФСР из 27.146 сельских советов в 131-ом кандидаты не получили 50% голосов и не были выбраны. В 14 других случаях "выборы кассированы ввиду допущенных нарушений Положения о выборах" (?). Также провалились кандидаты в одном райсовете и двух поселковых советах. На Украине провалились кандидаты в 15 сельсоветах и одном поселковом совете выборы кассированы в четырех случаях; в Белоруссии кандидаты провалились в трех сельсоветах и одном округе. Кроме того провалились на выборах один кандидат в Казахстане, четыре — в Азербейджане, один в Литве, один в Киргизии, четыре — в Армении, один в Эстонии. В РСФСР 10% воздержалось от явки на выборы в районные советы, недействительных бюллетеней в РСФСР оказалось — 4719, число это возросло до девяти тысяч в Латвии (по одной Риге 848 человек), в Казахстане зачеркнуты фамилии кандидатов в 60 тыс. бюллетеней (!), в Киргизии в шести тыс. бюллетеней, в Эстонии — в 10 тыс. бюллетеней, в Армении — в 10 тыс.!

Не хочу перегружать мою статью утомляющими читателей цифрами и вычислениями, но уже и того, что я привел достаточно, чтобы констатировать небывалую демонстрацию антисоветской активности избирателей: в одних случаях в колхозах и деревнях большинство просто бойкотирует выборы и в урнах оказывается менее 50% бюллетеней, в других зачеркивание фамилии кандидата носит массовый характер, в третьих портят бюллетени. Конечно, это не повлияло на исход выборов, но все же местами придется повторить провалившуюся с треском избирательную комедию, которая на этот раз не развеселила советскую и партийную администрацию!

Это явление нельзя было скрыть и все сообщенные мною данные взяты из "Известий" и "Правды". Последняя даже нашла нужным дать объяснение этого явного проявления враждебности населения к власти. 10-го марта в переводной "Правды" читаем: "в тех случаях, когда избиратели не были достаточно твердо уверены в том, что выдвинутый кандидат способен твердо и последовательно проводить в жизнь политику партии, проявлять необходимую заботу о нуждах трудящихся, — они вычеркивали таких кандидатов из избирательных списков. Таких случаев было очень немного..." Это просто смешное объяснение: ведь именно партия включила каждого кандидата в списки и поэтому выходит, если верить "Правде", что граждане СССР и преимущественно в РСФСР и Казахстане вычеркивали предложенных партий кандидатов потому, что не были уверены в том, что рекомендуемые партией кандидаты смогут проводить твердо политику своей же партии. Всякому ясно, что провал рекомендованного партий кандидата означает поражение этой партии, а не недоверие к умению партийных органов самим находить депутатов, способных проводить партийную политику. Поэтому эти выборы явились настоящей антипартийной манифестацией, совершенно стихийной. Ненавистники партийной диктатуры по разному не побоялись проявить себя: кто просто не пошел на выборы, несмотря на всякие обычные призывы и посулы активистов, кто охотно отправился в избирательный участок, чтоб, оказавшись в кабине, зачеркнуть быстро фамилию кандидата или охарактеризовать его непечатным ругательством.

Можно быть уверенным, что теперь нагорит всем руководителям "избирательной кампании" и только террором можно избежать того, чтоб на будущий раз это явление не приняло массовых

размеров. Мы ведь не знаем: каких именно кандидатов зачеркивали в бюллетенях: местных бюрократишек или каких-нибудь партийных вождей, возглавлявших эти списки.

В прошлой статье я писал о деятельности эстонских партизан, убивших при перестрелке с чекистами лейтенанта Козлова. Теперь "Правда" сообщает дополнительные детали: 4 эстонца высадились на берегу, когда извещенный до зорным начальник заставы погранохраны старший лейтенант Мих. Мих. Козлов прибежал к месту высадки с отрядом пограничников. Эстонцы уже выскочили из лодки и побежали по песку к ближайшему лесу, где рассчитывали скрыться. Чекисты открыли огонь, на что эстонцы ответили выстрелами. Раненый Козлов продолжал стрельбу и "позволил отнестись себя в госпиталь", когда "был уничтожен последний диверсант". Новая ложь, без которой не может обойтись ни одно советское сообщение. На суде фигурировали 2 террориста Устель и Порм, захваченные при этой высадке, а теперь пишут, что все 4 "диверсанта" были уничтожены в перестрелке. Где же правда? Во всяком случае чекисты горды тем, что заставка в 30 чекистов сумела убить 4 эстонских патриотов, прибывших из Швеции для участия в партизанской борьбе.

Торжественно излагается "героическая жизнь" сибиряка-чекиста и дан его портрет (обычная откормленная морда палача!). Он родился в 1929 году на Алтае. 17-ти лет призван в армию в 1943 году, ранен, отправлен затем в военное училище и после войны служил в погранохране войск МВД. Теперь ему присвоена награда, которую получил при Императоре Николае I герой Кавказской войны рядовой Архип Осипов: на вечерней переключке в его погранзаставе его преемник капитан Пронин (застава, видимо, усилена, раз ею командует не лейтенант, а капитан) вызывает: "Старший лейтенант Козлов!", а правофланговый сержант отвечает: "Старший лейтенант Козлов пал смертью храбрых при охране государственной границы Союза Советских Социалистических Республик!"

Не стоит передавать подробности визита Громыко и Жукова в Берлин для подписания "Соглашения по вопросам, связанным с временным пребыванием советских войск на территории Германской Демократической Республики".

Это копия с аналогичного соглашения с Гомулкой, предусматривающей экстерриториальность советских "казарменных городков", аэродромов, учебных полей, полигонов, железнодорож-

В воскресенье, 28 сего апреля, в Кафедральном Соборе Воскресения Христова (Пуэйредон), после Божественной Литургии, будет отслужена

ПАНИХИДА

по случаю исполнившейся 24-го сего апреля четвертой годовщины со дня кончины

ИВАНА ЛУКЬЯНОВИЧА СОЛОНЕВИЧА

и исполнившейся 3-го февраля с. г. 19-ой годовщины злодейского убийства его супруги

ТАМАРЫ ВЛАДИМИРОВНЫ СОЛОНЕВИЧ

о чем всем русским людям сообщает

Редакция газеты "НАША СТРАНА"

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Редакция и сотрудники "НАШЕЙ СТРАНЫ" сердечно поздравляют всех г.г. подписчиков, читателей и представителей газет на местах со Светлым Праздником ВОСКРЕСЕНИЯ ХРИСТОВА и желают всем поскорее дожидаться того счастливого дня, когда мы услышим ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ! на нашей освобожденной Родине.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Народно-Монархическое Движение приветствует всех россиян этим радостным возгласом и желает всем бодрости и силы духа и непоколебимой веры в грядущее ВОСКРЕСЕНИЕ нашей ВЕЛИКОЙ РОДИНЫ.

ных подъездных путей и их подвижного состава, средств почтово-телеграфной, телефонной и радиосвязи и строительство новых казарм и аэродромов. Вне их территории советчики подчиняются германским законам. Соглашение распространяется на всех советских военных и гражданских лиц, работающих в советских военных частях, их жен и не состоящих в браках детей, а также близких родственников, состоящих на их иждивении. О численности советских войск не говорится, но по нашим данным, она превышает 250.000 военных и со всеми вспомогательными службами и иждивенцами военных достигает 300.000 человек советских граждан.

Приезд в СССР венгерской делегации во главе с премьером Яношем Кадаром и президентом (председателем президиума по советской терминологии) Иштваном Доби также не представляет большого политического интереса. Но курьезно отметить зарождение новых обычаев в коммунистическом церемониале: встречали делегацию на аэродроме Вуково не только члены делегации по переговорам с нею: Хрущев, Булганин, Громыко, первый зам. министра иностранных дел Н. С. Патоличев, посол в Венгрии Евг. Ив. Громов и член колл. мин. иностр. дел Ив. Конст. Замчевский, но все члены президиума ЦК КПСС (кроме Кагановича, теперь часто похварывающего), все секретари ЦК, министры и маршалы; но дальше на приеме у Ворошилова и у Булганина присутствовали только перечисленные члены комиссии. Они же сопровождали их на представление "Ромео и Джульетта" с участием Галины Улановой в Большом Театре 20-го марта.

Затем Громыко устроил прием в честь мин. иностр. дел осрамившегося в Объединенных Нациях Имре Хорвата, а Жуков устроил прием в честь нового венгерского министра обороны ген.-лейтенанта Геза Ревеза (в молодости советского чекиста в войсках внутренней охраны СССР). На другой день 21-го марта Хрущев устроил прием в честь всей венгерской делегации.

В тот же день состоялся прием в венгерском посольстве, где по новому обычаю, занесенному в Москву китайскими коммунистами Кадар начал речь поименным обращением: "дорогой товарищ Ворошилов! дорогой товарищ Булганин! дорогой товарищ Хрущев, дорогие товарищи! друзья!" Соответственно и Булганин начал словами: "дорогой товарищ Кадар, дорогой товарищ Доби! дорогие товарищи члены венгерской правительственной делегации!"

Интересно, что венгерец поставил в пред главу государства, потом премьер-

ра, а Булганин сначала помянул премьеру, а потом безличного президента Венгрии. Речь Кадара полна была благодарности за военную помощь и участие советских войск в расправе с повстанцами: «общая пролитая в этих боях кровь осытвила дружбу венгерского и советского народов», — заявил Кадар.

Булганин вспомнил, как венгерцы сражались в рядах советской армии в годы Гражданской войны — на Урале, в Сибири и в Средней Азии.

Курьезной новостью явился приезд с делегацией на самолете жен всех восьми венгерских делегатов. Пока мужья заседали и обсуждали сколько войск надо держать СССР в венгерских гарнизонах и какими товарами помочь ей выйти из наступившего продовольственного и товарного кризиса, жены Кадара, Доби и других шести делегатов «знакомились с жизнью столицы» в сопровождении жен зам. министра Патолечева, посла в Будапеште Громова и члена совета мин. иностр. дел Замчевского. Так впервые фигурируют на страницах печати К. Я. Громова, Н. И. Патолечева и И. Г. Замчевская, названные в алфавитном порядке, а не по служебному рангу их мужей.

Больше всего пугает советских правителей перспектива встретиться на поле сражений снова с немцами, не имея на этот раз за спиной американского оружия, боеприпасов и снабжения. Поэтому началась в советской печати бешеная кампания против назначения командующим центральным сектором НАТО немецкого генерала Шпейделя. Снова газеты полны протестов украинских «рабочих и колхозников», которые якобы вспоминают, что именно генерал Шпейдель 23-го февраля 1943 года загнал в школу 682 украинца — только женщин и детей, — велел их облить керосином и поджечь школу; затем он в Черниговской области сжег живьем в клубе около 100 колхозниц с детьми, а в Сумской области велел перебить более 2.000 детей. В Артемовске он замуровал в карьерах около 3.000 мирных жителей. Подобными рассказами полны украинские и московские газеты. Отметим, что до сих пор в советской печати никогда не упоминалось имя этого генерала, который в этот период времени был начальником штаба у генерала Роммеля в Северной Африке.

Под крики о вооружении Западной Германии, советское правительство само вооружает Египет и Сирию. На днях мне удалось лично проверить факт отправки в Египет большой партии чехословацкого оружия в сопровождении 10 чешских офицеров-инструкторов. По обучению группы египетских офицеров обращению с этим оружием, чехи были отправлены на родину на самолете, но, из опасения возможности их побега при стоянках на западноевропейских аэродромах, их сопровождали три советских офицера Государственной Безопасности: Борис Бердичевский, Василий Фетисов и Константин Шишов. Все они, разумеется, не носили формы, а потому не удалось установить их чинов. Посылка этой миссии не была известна западной печати, где я не нашел о ней никаких сведений.

Произведенный Хрущевым и Суловым переворот в греческой компартии я даже не знаю, назвать ли актом десталинизации, или, наоборот, новой сталинизации. Московская печать сообщила 21 марта о состоявшемся (не указано: где?) 7-ом расширенном пленуме ЦК греческой компартии: на нем разработана новая программа борьбы против американского влияния и военной помощи, с участием всех недовольных сотрудничеством Греции с Западом. Затем пересмотрено дело знамени того вождя греческих партизан «генерала» Маркоса Вафиадиса, который возглавлял греческую «Красную армию» в гражданской войне 1946-49 гг. и вину в уgone из Греции 40.000 человек, почти исключительно детей. Те дети, которые попали в Югославию в числе 8.000, были в 1951 году возвращены правительством Тито, заключившим союз с Грецией и Турцией. Но тысячи подростков и сейчас воспитываются в коммунистическом духе в двух больших лагерях в Горлице (в польской Силезии) под руководством члена ЦК Властаса; третий лагерь находится в Ясенках в Чехословакии. После разгрома греческих партизан Маркос был «снят с командования» по приказу Сталина в 1949 году и вместо него диктатором

подпольной партии стал Николай Захариадис. Теперь «дело» Маркоса пересмотрено (через 7 лет!) «ввиду несостоятельности предъявленных ему в период ненормального партийного режима обвинений».

Зато Захариадису предъявлены обвинения «в сектантском характере его руководства, в левацкой авантюристической линии его политики, в создании ненормального режима, при котором подавлялась всякая критика и возводилась клевета на честных партийных работников и в недопустимом пренебрежении вопросами безопасности работавших в Греции подпольных кадров» (вспомним провал всех присланных в Грецию из Москвы подпольных руководителей во главе с членом политбюро и секретарем ЦК Белоянисом, казненных по приговорам греческих военных судов). В результате этих обвинений настоящий пленум ЦК постановил исключить своего догматического вождя Захариадиса не только из членов ЦК (как в 1949 году его соперника Маркоса), но и вообще из партии. Если Захариадис находится сейчас в СССР, то после такого решения он, конечно, отправлен в какой-нибудь концлагерь или на «низовую» работу в Азиатском захолустье под надзором местного МВД. Председателем ЦК партии избран Апостолос Грозос, а среди 7 членов политбюро видим Маркоса Вафиадиса. На пленуме присутствовало 50 греческих партийных работников.

Маркосу суждена руководящая роль в типе Кадара. Он «пострадал» при Сталине, но по типу является типичным представителем сталинских «крутых» методов и будет жестоко тираном не лучше неголая Захариадиса. Ведь в день приезда в Москву Кадара газеты напечатали его биографию, в которой сказано, что он в 1948 году назначен министром внутренних дел, но в апреле 1951 года «на основании ложных обвинений приговорен к тюремному заключению. После реабилитации в июле 1954 года вновь стал принимать активное участие в работе партии, выполняя обязанности первого секретаря одного района Будапешта, а затем — первого секретаря Пештского Округа». Теперь вслед за Кадаром и Маркос из советской тюрьмы возвращается к власти, подобно Гомулке!

Из последних событий в жизни Патриарха отметим назначение на Омскую кафедру б. Полтавского епископа Вениамина (Новицкого), вместо временно занимавшего эту кафедру епископа Венедикта (Пляскина), и назначение епископом Петропавловским, викарием Аляма-Атинской епархии, б. епископа Таганрогского Иосифа (Чернова). Одновременно утвержден епископом Виленским и Литовским, занимавший временно эту кафедру, Алексей Дегтярев (б. полицейский до революции, сошедшийся в эмиграции с агентами Коминтерна еще до войны, арестованный в Египте при Фаруке за связи с советской разведкой, освобожденный по просьбе посольства СССР, вернулся в Советский Союз и стал советским архиереем).

Особое постановление Священного Синода при Патриархе освободило митрополита Ленинградского от управления Новгородской епархией, вернув ему с 1-го января 1957 года исторический (дореволюционный) титул Ленинградского и Ладужского. Управление самостоятельной вновь Новгородской епархией поручено викарию Старорусскому Сергею (Голубцеву). Оригинальная биография этого 50-летнего любимца Патриарха: работал художником-реставратором с 18 лет до призыва в армию в 1941 году, как офицера запаса. По демобилизации поступил в семинарию, которую окончил в 1947 году, затем Академию в 1951 году, и заведывал 4 года в лагере приемом иностранных посетителей (работа, связанная не только с министерством иностранных дел, но и с министерством внутренних дел) хитрописанным 29 октября 1955 года и назначен епископом Старорусским в качестве ленинградского викария. Теперь возглавляет самостоятельно одну из древнейших епархий!

Отметим активную деятельность 82-летнего архиепископа Варсонофия Тверского и 30-летие епископства архиепископа Стефана Харьковского и Богодуховского (Процено), получившего свою кафедру вскоре после занятия его рода советскими войсками. Эту первую в «освобожденном» украинском городе кафедру важно было дать помниквещемому к патриарху епископу еще давней

хиротонии и украинского к тому же происхождения.

Любопытна история участия Московской патриархии в процессе экзарха в Соединенных Штатах за Свято-Николаевский собор в Нью-Йорке. Оттуда поехали в Москву за помощью протоперевер советской юрисдикции Гавриляк и Кречик. Патриарх назначил защитниками интересов Патриархии епископа Смоленского Михаила (Чуба) и проф. Ленинградской Духовной Академии Л. Н. Парийского. Как известно, первый из них, хитрописанный в 1953 году, был с 1932 года по 1949 год преподавателем английского языка в Ленинграде и всегда ведет переговоры с посещающими Патриарха англичанами и американцами. Но оба они отказались дать отпечатки своих пальцев, необходимые для получения визы на въезд в Соединенные Штаты. Тогда советское правительство предложило дать им дипломатические паспорта. Но Американское правительство потребовало, чтобы в таком случае оба обладателя дипломатических паспортов представили от министерства иностранных дел СССР удостоверение, что они едут в качестве официальных представителей советского правительства. Такое удостоверение в Кремле нашли неудобным им выдать и, таким образом, их поездка в Нью-Йорк не состоялась. Таким образом, советская дипломатия должна была бы признать, что для своих политических целей использует советского епископа, что противоречило бы безбожному характеру советского правительства. На самом же деле советское правительство поступает обычно по-другому: оно снабжает делегатов Патриарха, имеющих нужду часто выезжать за границу долгосрочными паспортами для выезда за границу. Подобный паспорт, например, имеет еще с 1950 года протоперей Михаил Владимирович Зернов, настоятель храма Преображения на Большой Ордынке, часто ездивший в страны Среднего Востока и одно время, под видом настоятеля духовной миссии Патриархии в Иерусалиме, возглавлявший советскую разведку на Среднем Востоке и среди православной эмиграции; он теперь вернулся в Москву, где принимает обычно участие в приемах разных иностранных гостей. Такой же постоянный паспорт для поездок за границу в любой момент имеет и епископ Михаил Смоленский, но это не дипломатический паспорт, почему от него и потребовали отпечатки пальцев. Не знаю, было ли подобное требование предъявлено архи епископу Одесскому Борису (Вику), когда он ездил в Соединенные Штаты в качестве назначенного Москвой экзарха, но тогда никаких конфликтов на этой почве не было, и он и его секретарь проф. Духовной Академии Шинкин съездили в Соединенные Штаты без всяких споров, которые возникли лишь потом, когда им было отказано в продлении визы.

Интересно еще отметить законченную реставрацию Сергиево-Казанского собора в Курске. Этот собор заложен в 1752 году святителем Иоасафом Белгородским и строился подрядчиком Мошниным, отцом преподобного Серафима Саровского. Освящение его после реставрации совпало с 50-летием священства курского епископа Иннокентия (б. священника о. Георгия Зельницкого, хитрописанного в 1945 году), предпринявшего реставрацию этого обветшавшего в период его закрытия большевиками храма. Собор возвращен был для служения и заново освящен в период германской оккупации; потом в нем продолжались службы по приходе советских войск в 1943 году, ибо это было уже после соглашения Сталина с митрополитом Сергием.

Алексей Ростов

В Б У Э Н О С - А Й Р Е С Е
газета «НАША СТРАНА» и все КНИГИ
Издательства «НАША СТРАНА»

пр о д а ю т с я :

в Книжном магазине Бр. Лашкевич, ул. Леондро Алем 1140;
в Кюске В. С. Вербицкого при Храме Воскресения Христова (Вижа Пуэйредон);
в Кюске Б. Н. Ряснянского при церкви на Облигадо 2130;
у газетчика на углу ул. Леондро Алем и Виамонте;
на Вижа Бажестер у инж. Василькиоти, при церкви на Ав. Альвеар.
у г. М. Тамарцева — «Колонизадора» — ул. Сан Мартин 344.

Политическая Хроника

ФИЛЬМ ИЗ ЖИЗНИ ГОСУДАРЯ

Нам пишут из Нью-Йорка:

В Пальм Бич (Флорида) состоялась демонстрация исторического фильма «Император Николай II — последний Монарх России», составленного из ряда кинематографических снимков, сделанных в России и за границей при жизни Государя. В частности, в фильм включены исключительно редкие снимки, сделанные в Москве во время коронации — одни из первых кинематографических снимков в истории. Создателем фильма, — как уже сообщала «Наша Страна», — был историк и публицист А. Г. Тарсандзе, затративший на это много лет кропотливого труда и немалые средства.

Демонстрация фильма в Пальм Бич собрала около 500 зрителей, во главе с губернатором Флориды Коллинсом. В числе зрителей при демонстрации фильма присутствовал герцог Виндзорский (бывший король Эдуард VIII).

В апреле фильм из жизни Императора Николая II будет показан в Англии, в присутствии Королевы Елизаветы.

АМЕРИКАНСКИЙ КОМИТЕТ О «ФЕВРАЛЕ»

Нам пишут из Мюнхена:

Газета «Наше Общее Дело», орган Американского Комитета Освобождения, откликнулась на 40-ую годовщину так называемой Февральской революции передовой статьей, в которой начало этой революции названо «одной из наиболее знаменательных дат» в истории России и всего человечества. Неудачу революции «Наше Общее Дело» объясняет конфликтом «между идеалами и реальностью, между благородными побуждениями людей, которым история вручила тогда кормило правления России, и их неспособностью построить такую государственность, которая смогла бы противостоять разрушительным силам большевизма».

Отречение Императора Николая II от престола было воспринято, по мнению «Нашего Общего Дела», «почти всеми кругами русской и мировой общественности, как начало новой, светлой эры».

Относясь к так называемой Февральской революции положительно и считая, что «на протяжении почти целого столетия, со дня восстания декабристов, передовые умы России лелеяли мечту о тех реформах государственного и социального строя, которые были провозглашены Февральской революцией», орган Американского Комитета пишет, что споры о неизбежности революции бесцельны, так как «историю переделывать нельзя».

Механическое возвращение к идеям, лозунгам и требованиям так называемой Февральской революции «Наше Общее Дело» считает невозможным, но стремление поработанных коммунистами народов к свободе переключается, по его мнению, «с тем, на что надеялись участники Февральской революции».

РАЗВЕДКА ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ

Нам пишут из Мюнхена:

«Франкфуртер Альгемайне Цейтунг» опубликовала сведения об организации разведки и контр-разведки Западной Германии.

По словам газеты, правительство Германской Федеральной Республики располагает, в настоящее время, тремя разведывательными и контр-разведывательными учреждениями.

Федеральная Информационная Служба, начальником («президентом») которой состоит ген. Рейнгард Гелен, располагает на 1957 год бюджетом в 23 миллиона германских марок. Задача этой организации состоит в активной разведке.

Защитой государства от внешних и внутренних противников, т. е. контр-разведкой, занимается Федеральное Управление для Защиты Конституции, центр которого находится в Кельне. Управление располагает на 1957 год бюджетом в 2 миллиона 830 тысяч германских марок.

Исполнительным органом Управления является Группа Безопасности при Федеральном Бюро по уголовным делам, состоящая из 156 чиновников и агентов. Охрана президента Хейса и канцлера Аденауэра входит в число обязанностей этого учреждения.

Г. Месняев

“ЛЕПЕТ ОПРАВДАНИЯ”

Как и следовало ожидать, статья К. Прошина, в которой он совершенно недвусмысленно поставил вопрос о моральной ответственности “генералов” от революции за бесплодную гибель множества русских молодых людей, вовлеченных ими в террор (см. мою статью “Кто погубил Россию”, “Н. С.” № 376), вызвала резкую и гневную отповедь со стороны М. Вишняка (“Трагедия террора”, “Н. Р. С.” от 24 марта с. г.).

С совершенно понятной для старого эс-эра чувствительной взволнованностью М. Вишняк в этой статье оправдывает террор и террористов, повествует о высоком (увы, ложном) идеализме и жертвенности тех молодых русских людей, которым, долгие годы искусной пропагандой, было внушено, что они не только в праве, но и обязаны творить суд и расправу над государственными деятелями и агентами власти старой России за преступления, якобы, ими совершенные.

Приведенные М. Вишняком весьма трогательные предсмертные слова Сазонова, убитого министра внутренних дел В. К. Плеве, Каляева, убитого Вел. Князя Сергея Александровича и Вноровского, убитого адмирала Дубасова, свидетельствуют одновременно и о восторженной экзальтации этих беспорно идеалистически настроенных юношей и о крайнем их невежестве во всем, что касалось жизни тогдашней России. Они, эти юноши, не имели никакого понятия ни о природе государства и государственной власти вообще, ни о действительном положении России, ни об ее истории и прошлом, ни об истинных настроениях и желаниях русского народа. Они вообще не знали реальной жизни, ибо, во-первых, были крайне молоды, а, во-вторых, жили в совершенном отрыве от жизни в каком-то искусственном мире политических и других фикций, культивируемых в революционном подполье.

Все их познания как о прошлом, так и о настоящем России, которую они собирались “спасать” и “освободить”, черпались ими из совершенно плоских и убогих по своему крайне упрощенному содержанию революционных брошюр, из напыщенных и столь же безграмотных прокламаций, выпускавшихся разными центральными комитетами, и из сентиментальных партийных воспоминаний о жертвах, “павших в борьбе роковой”.

И. А. Бунин, в “Жизни Арсеньева”, дал этой революционной, изолированной от всей остальной России среде такую убийственную характеристику:

“Замечательней всего было то, — писал он, — что члены ее пройдя еще на школьной скамье все то осознание, что полагалось им для начала, то-есть какой-нибудь кружок, затем участие во всяких студенческих “движениях” и в той или иной “работе”, затем высылку, тюрьму или ссылку и, так или иначе, продолжая эту “работу” и потом, жили, в общем, очень обособленно от прочих русских людей, даже как бы и за людей не считая всяких практических деятелей, купцов, земледельцев, врачей и педагогов (чуждых политике), чиновников, духовных, военных и особенно полицейских и жандармов, малейшее общение с которыми считалось не только позорным, но даже преступным, и имели все свое, особое и непоколебимое: свои дела, свои интересы, свои события, своих знаменитостей, свою нравственность, свои любовные, семейные и дружеские обычаи и свое собственное отношение к России: отрицание ее прошлого и настоящего и мечту о ее будущем, веру в это будущее, за которое и нужно было “бороться”... все (они) были достаточно узки, прямыми, нетерпимы, исповедывали нечто достаточно несложное: люди — это только мы да всякие “униженные и оскорбленные”; все злое — направо, все доброе — налево; все светлое — в народе, в его “устах и чаяниях”; все бедное — в образе правления и дурных правителей (которые почитались даже за какое-то особое племя); все спасение — в перевороте, в конституции или республике...”

Вот, именно, из этой среды узких начетчиков, доктринеров и фанатиков, во-

все чуждых подлинной жизни и подлинному народу, и выходили, одурманенные лживой и дешевой революционной фразеологией, восторженные террористы. Конечно, никто физически не “толкнул” их на политические убийства, — кто-то, а именно партийные верхи, очень искусно, умело, настойчиво и последовательно подготовляли юные умы к террору, действуя своей лживой пропагандой на простодушные юношеские сердца.

Моральная ответственность за обольщение этих юных душ падает не только на партийных вождей всех рангов, хотя именно они организовывали и устраивали и политические убийства, и политические разбои, называвшиеся “экспроприациями”, и аграрные восстания и солдатские мятежи, в которых во множестве гибли одурманенные русские люди. Ответственность эту с ними делят и те кумиры русской интеллигенции, которые обратили свои таланты на то, чтобы всячески поносить современный им государственный строй, клеветать на тогдашнюю русскую жизнь и внушать к ним отвращение и ненависть. Из своего комфортабельного “прекрасного далека” занимался этим Герцен; из своего редакторского кабинета Некрасов призывал русскую молодежь “в стан погибающих за великое дело любви”, т. е. в ряды террористов; брызгая ядовитой слюной лгал на Россию и на русское общество “сатирик” Салтыков-Щедрин, не постеснявшийся изобразить свою родину в образе “Города Глупова”. Все они, наряду с революционными “генералами”, одинаково виноваты в том, что сбивали с толка русскую молодежь, калечили ее душевно и воспитывали ее во лжи и ненависти к тому, чего они сами не понимали и не чувствовали, т. е. к живой России.

Высокий идеализм и самоотверженность этой молодежи ни в какой степени не колеблют того факта, что революционные лидеры творили свое преступное дело в глубоком и безопасном тылу, и, в своем большинстве, умирали не на эшафотах и не от разрыва бомб, а в своих собственных постелях. (Так на наших глазах, совсем недавно, в Америке, в почете и в сомнительной славе, умерли: Зензинов, Чернов, Лебедев, Далевский, Штейнберг и другие). Жертвенный порыв и экзальтация молодежи только глубже оттеняют “мудрую” осторожность вождей. Нельзя не согласиться с К. Прошиным, сказавшим, что в партии эс-эров “жертвенность была распределена довольно неравномерно”.

Главное же заключается в том, что террористическая деятельность этих вождей, приведшая, в конечном итоге, русский народ к “всероссийской каторге”, была целиком основана на несомненной неправде, на лживом и не соответствующем действительности утверждении о “преступности” царского строя, на заведомо искаженной картине тогдашней России. Для того, чтобы еще раз повторить привычную ложь о царской России, М. Вишняк в своей статье привел слова адвоката Карабчевского, защищавшего убийцу Плеве, Сазонова. В своей защитительной речи, произнесенной перед коронным судом, Карабчевский, человек очень умеренных политических взглядов, излагал вовсе не свой собственный взгляд на тогдашнее положение России (как с некоторой передержкой старается доказывать М. Вишняк), а хотел осветить перед судьями отравленную революционной пропагандой нездоровую психологию Сазонова, искренне убежденного в том, что Плеве настоял на повешении Балашова, что он заточил в тюрьму и послал в ссылку тысячи невинных людей, что он сек и расстреливал крестьян, глумился над интеллигенцией и организовывал массовое избиение евреев. Именно, подчеркивая этот дешевый и примитивный демагогический вздор, целиком взятый из прокламаций того времени, Карабчевский старался показать судьям все убожество политического мышления Сазонова, которое, вместе с молодостью последнего, давало ему основание просить о некотором снисхождении к своему подзащитному.

Нелепо думать о том, что Карабчевский, опытный и знающий юрист, был согласен с Сазоновым в том, например, что русское правительство сажало в тюрьмы и ссылало “невинных людей”.

Карабчевский прекрасно знал, что под такими “невинными людьми” революционные демагоги понимали тех, кто изготовлял прокламации, организовывал нелегальные типографии и склады оружия, уговаривал крестьян жечь помещичьи усадьбы, призывал солдат к бунту, грабил казначейства и стрелял в полицейских и жандармов.

Сазонов и другие молодые революционеры, завороченные примитивной политической демагогией, (чем упрощенней такая демагогия, тем она ближе и понятней для нескученных жизнью, неустойчивых и невежественных людей) искренне верили в то, что В. К. Плеве был преступником, и, что он из-за каких-то малопонятных, но, конечно, низменных целей угнетал русский народ и творил всякие над ним насилия. К глубокому несчастью для России, примерно так же упрощенно и примитивно думало и большинство той полунинтеллигентии, которая создавала тогдашнее общественное мнение. К великому нашему горю, в тогдашней России не нашлось влиятельных и авторитетных людей, которые разъяснили бы, не боясь пресловутого общественного мнения, то, что В. К. Плеве и другие государственные люди того времени, были совсем не преступниками, а людьми чести и государственного мышления и традиций, бесстрашно выполнявшие свой очень тяжелый государственный долг и всячески борющиеся с той разрушительной стихией, которая позже затопила Россию. В чем, в чем, а в отсутствии предвидения страшных последствий революционного безумия, деятелей царского строя обвинить никак нельзя.

Правду о старой России нельзя найти в обетавших прокламациях народовольцев и социал-революционеров. Ее нельзя найти и в тех бездарных революционных брошюрах, в которых с какой-то садистической злобой поносились настоящая, а не выдуманная в прокурорских конспиративных квартирах Россия. Меньше всего эту правду можно найти в тех мемуарах “генералов” от революции, в которых они стараются всячески оправдать свои преступления и сложить с себя великое бремя греха за гибель России на чужие плечи. Нет, конечно, правды и в статье М. Вишняка, повторяющего с застарелым упорством старую революционную ложь о погубленной им и его соратниками России.

Не в старых прокламациях, не в сентиментальных легендах об убийцах великого Царя-Освободителя и об убийцах великих князей, министров, губернаторов и городовых, не в мемуарах Чернова, Зензинова и Вишняка должны мы, наученные горьким и страшным опытом, искать правду о России.

Прежде всего найдем ее мы в тех плетивших воспоминаниях нашей собственной молодости, в которых во всем своем величии, неизреченной красоте, во всем своем неповторимом и единственном своеобразии, силе, богатстве и мощи, восстает наша светозарная Родина. Правду о ней найдем мы и в прекрасных творениях русских писателей (И. С. Шмелев, И. А. Бунин, Б. К. Зайцев), которые в отрыве от России, силой своей художественной интуиции, силой своего русского сердца постигли все великое очарование и великую духовную силу Русской Земли.

“Как не отстояли мы всего того, что так гордо называли мы русским, в силе и правде чего мы, казалось, были так уверены?” — с глубокой горечью спрашивает себя И. А. Бунин (“Жизнь Арсеньева”). “Как бы то ни было, — продолжает он, — знаю точно, что я рос во времена величайшей русской силы и огромного сознания ее”.

“Наши дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда-то жили, которую мы не ценили, не понимали — всю эту мощь, сложность, богатство, счастье...” — писал он же в “Окаянных днях”.

Что же, — спросим себя, — кому же мы, желая знать правду о России, должны больше верить: Бунину ли, связанному с Россией тысячами незримых нитей и поэтически постигнутому ее своей русской душой, или М. Вишняку, познававшему Россию из затхлого подполья и смотревшему на нее из-за частоты мертвых параграфов социалистических программ и пыльных томов марксистской макулатуры? Должны ли мы больше верить той застарелой лжи и клевете на Россию, которая время от времени появляется тут и там, на страницах социалистических и либеральных газет и журналов, или же своему соб-

Вышла отдельным изданием и
ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ
б р о ш ю р а
Н. КУСАКОВА
ДОСТОЕВСКИЙ
и
РУССКАЯ КУЛЬТУРА

Цена: 0.50 ам. дол.
В Аргентине и странах Юж. Америки — 8 песо.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ
СБОРНИК СТИХОВ
АНАТОЛИЯ БОРА
“СВЕТ и СУМРАК”
Цена в Аргентине — 30 песо
В других странах — 1 ам. дол.
Книгу можно выписать по адресу:
Anatol Borstch, Provincias Unidas
(e) 2 y 3; Berazategui
Prov. Buenos Aires

ственному сердцу, трепещущему от восторга и умления при одном воспоминании о далеких видениях ушедшей России?

Нет, правда о ней никогда не была с теми, кто бессмысленно погубил Царя-Освободителя и в дикой ярости разрушал освященный веками политический и общественный строй России!

Была же эта правда, как раз у тех, кого так презирали революционеры: у простых и немудреных русских людей — купцов, земледельцев, чиновников, духовных, военных, полицейских и жандармов которые, не мудрствуя лукаво, жили простой русской жизнью: ходили в церковь, чтли Царя и бесхитростно гордились своей Родиной.

Эта правда была на стороне бедного, уездного мещанина Ростовцева, у которого на хлебном в гимназические годы жил И. А. Бунин и который был полон великой гордости тем, что он русский. И. А. Бунин рассказывает (“Жизнь Арсеньева”), что Ростовцев очень любил, когда гимназисты читали ему вслух разучиваемые ими стихи:

“Приди ты, немощный, приди ты, радостный, звонят ко всенощной, к молитве благостной...”

Он слушал, прикрывая глаза. Потом я читал Никитина: “Под большим шатром голубых небес, вижу даль степей расстилается...” Это было широкое и восторженное описание великого простора, великих и разнообразных богатств, сил и дел России. И когда я доходил до гордо-го и радостного конца, до разрешения этого описания: “Это ты, моя Русь державная, моя родина православная!” — Ростовцев сжимал челюсти и бледнел.”

Легкомысленно-преступно, с самоуверенностью недоучек, неспособных, в силу упрощенности своего материалистического мышления, понять всю духовную сложность державной и православной Руси, темная кучка фанатиков подняла на эту Русь свою руку. Обольщая ложным и напыщенным пафосом и сентиментальной революционной романтикой, слабые сердца, и увлекая за собой невежественную чернь, они, погубив бесчестно и зло множество верных защитников российской державности, разрушили в конце нашу родную страну.

Нет им прощения и нет им оправдания! Ложный героизм разрушителей — не должен соблазнять нас! Мы всегда должны помнить о том, что все содеянное революционерами, как основанное на неправде и ненависти, не могло дать ничего кроме лжи, злобы и насилия, царящих сейчас на просторах русской земли. И, вот, поэтому-то решительно и безусловно мы отвергаем и осуждаем все сделанное героями революционного террора.

Совсем иначе смотрим мы на те акты “святой мести”, которые, в трагическом одиночестве, совершили: Кенигиссер, Каплан, Коверда, Конради и немногие другие, смело бросившие, в годы общего морального распада и страха, вызов преступной коммунистической власти. Имена их сохранит история, а русские люди, из поколения в поколение, будут возносить им хвалу и славу!

Г. Месняев

Л. Башкирова

ПАСХАЛЬНЫЙ РАССКАЗ

НЕПОСРАМЛЕННОЕ УПОВАНИЕ

(Окончание)

Прибежала под вечер Матрешка, затопала ногами, захопотала, согрела каши, сунула горошок с остатками Фотиньи, оправила, ворча, лампадку и побежала хлопнуть дверь, на экстренное собрание "для искоренения Пасхальных предрассудков".

Фотинья опять осталась одна. В избе было тихо; зато снаружи непогода разыгралась во всю. Снопы косых дождей стрел громко лупили в оконные стекла и мутными потоками стекали вниз. Ветер из всех сил тряс избу и, казалось, хотел ее вырвать с корнем. Внезапно дверь распахнулась; Фотинья подумала, что это порыв ветра, но в сенцах послышалось шарканье и на пороге выросла фигура, заполнившая всю дверную раму. Кто это был — было трудно определить, так как все существо было заматано в такое количество одежды, что вырисовывались только самые контуры. Во всяком случае это был богатырь, судя по росту. Фигура с силой отряхнулась, так что брызги долетели до середины горницы, перекрестилась на Божницу, и низкий голос глухо сказал: "Мир дому сему!"

— Заходи, добрый человек, — радость сказала Фотинья и с усилием попросила приподняться на локте.

— Никак хворая? — спросил пришелец.

— Хворая и есть.

— Одна?

— Одна. Да вот вечером уже придет Матрешка.

— А-а, это хорошо, — неопределенно протянул странник.

— Ты что-ж стоишь, касатик. Садись, да поближе к огню, вишь, промок-то как!

— Да мне бы почлег найти надо...

— Да тут и оставайся, в боковушке переночуешь. Подбрось дровец-то в печку, да подсушишь маленько.

Прохожий разбросал тлеющие головешки, подбросил дров и начал вылупливаться из своих одежд. По мере того, как он снимал их и развешивал для просушки на веревке вдоль печки, фигура его вырисовывалась яснее и яснее и в конце концов, когда он остался в каком-то длиннополом темном зипуне, оказалось, что он хотя, действительно, очень высокого роста, но худ как щепка. Лицо его при неровных, вспыхивающих отблесках огня плохо рассмотрела Фотинья.

— Каша там есть, согрей себе касатик, — ласково предложила она, — уж не обессуди, что я встать не могу тебя попотчевать.

— Спасибо, матушка Фотинья, я не голодный. — тихо ответил странник, затеплил лучину и пошел в боковушку, захватив свой узелок.

А Фотинья опять осталась со своими думами. "Что за человека Бог послал, может от него будет спасение. Незнакомый, а как-будто я его где-то видела. Господи! А прозвучало-то мое он откуда знает? Ведь меня не спрашивал! Может, кого повстречал из соседей и от них узнал? Чудно что-то!" И она чутко прислушалась, но в боковушке все было тихо, только свет слабо пробивался из-за двери.

Непогода снаружи утихла. Скоро прибежала Матрешка и в недоумении уставилась на мокрую одежду у печки.

— Странника-то, — пояснила Фотинья, — Бог послал, от непогоды, значит, хочет укрыться.

— Ин, дай я погляжу одним глазком, — припала Матрешка к двери в боковушку и сейчас же отскочила.

— На коленях стоит и в переднике этом. С иконами.

— В каком переднике?

— Ну, в каком служители культа головы морочат темноте деревенской. — бойко выпалила Матрешка знакомое.

— Матрена! При иконах-то постыдилась бы!

— Ну в общем поп будет, — нетерпеливо отмахнулась та, — что же нам теперича делать?

— Вот-то радость Бог послал. — перекрестилась Фотинья, — прямо ко мне его Господь направил!

— Да на что он тебе? Неужели вылетит? Дай лучше я дохтура из города вызову. Федюха для меня машину мигом сгоняет. Вот тот тебя быстро на

ноги поставит, тот тебе поможет, жить будешь!

— Ой, внученька, мне бы кто помог умереть! Чую я, что скоро душевке моей с телом расставаться, а не могу умереть в мире, пока священник грехи мои не отпустит, — Фотинья попыталась даже приподняться, но со стоном рухнула обратно.

— Да уж лежи, лежи, все по-твоему будет, — испугалась Матрешка, редко видевшая всегда сдержанную бабушку в таком возбуждении.

— Слышь, Матрешка, сейчас уже поздно, а завтра с утра сбегай за Михенчем, да по дороге еще Аграфену с Настасьешкой оповести, пусть зайдут поскорей, как могут, дело, де, до них есть.

— Да уж ладно, бабушка, ладно, всех твоих друзей-приятелей, всю что ни есть гидру контрреволюции соберу, — фыркнула смешливая Матрешка, залезая с головой под одеяло.

На утро побежала шустрая девчонка исполнять бабушкино поручение, а Фотинья, заслышав, что пришелец в боковушке зашевелился и даже что-то напеваает приглушенным басовитым голосом, тихо позвала:

— Батюшка!

Дверь раскрылась и странник остановился на пороге.

— Благослови, батюшка, — сложила Фотинья высохшие руки и с благоговением поцеловала благословляющую длань.

— Присядь, батюшка, поближе, дело у меня до тебя есть, а голос-то слабый. Странник опустился на табуретку около кровати.

— Вот уж и не знаю как приступить, — робко начала Фотинья, теребя тонкими, восковыми пальцами край старенького стеганого разноцветными пятнами одеяла. — При смерти я, батюшка, и вот послал мне Бог к светлomu празднику радости — по-христиански умереть; уж ты, батюшка, не откажись, отслужи светлую заутреню и литургию, а я соберу кой-кого, самых только верных. Еще кто наверняка причащаться будет, давно ведь мы без батюшки... — совсем тихо закончила она.

— Служить буду, — твердо сказал пришелец, — как полагается, сегодня в полночь. И народ собирай, — и снова ушел в свою боковушку. Поняла Фотинья, что не хочет до времени народу показываться, даже верным.

Поодиночке, оглядываясь, собралось несколько человек около Фотиньи в избе, начались приготовления. Оказались у многих и куличи и пасхи уже приготовленными, и даже яйца покрашенными. Под наблюдением Фотиньи испекли просфоры и разошлись по домам до полночи. А в полночь, завесив принесенными одеялами наглухо окна, приступили к светлomu служению.

"Как воры и разбойники", подумалась Фотинья, "та и н о служим!" И сейчас же другое пришло на мысль: "Правда у нас; и тогда, в первые времена, тоже скрывались ученики и сохранили веру". И она укрепилась духом.

Свежая и радостная служба — Пасхальная заутреня. И не потому только светлая, что совершают ее священнослужители в светлых ризах, церковь украшена и освещена, а верующие стоят со свечками в руках, — потому что всего этого как раз и не было в низкой и закопченной избе Фотиньи, — а потому, что вся она как ликующая песнь, как тысячелетнее радостное приветствие: Христос Воскрес! И вот эта тысячелетняя радостная весть была донесена целой и неприкосновенной до темной и неприглядной избы Фотиньи; она светилась в глазах и делала лица светлыми и радостными. И неумелое деревенское пение неуверенных певчих — пели все — и глухой, простуженный голос священника и тихая больная на одре в углу, со светлыми слезинками жемчужинами на иссохшем, но о! каком радостном — у нее особенно — лице, и бедный стол около печки с пучком вербочек посередине, все это было пронизано таким пасхальным, весенним, единственным в году ликованием, что, может быть, даже яснее и ярче, именно в этой нищенской обстановке,

выступала единственная и неискоренимая сущность самого праздника, про который поется "Един Царь от суббота..."

Кончилась заутреня и незаметно перешла в литургию. Все причащались после общей исповеди, все рыдали в искреннем раскаянии, было в ремя осознать грехи, сколько лет прожили без покаяния. Всех причастил батюшка и последнюю — болящую Фотинью. Замогла последняя молитва, освятил батюшка пасхальные яства и все начали лобызаться — христосоваться, сначала с батюшкой, а потом и между собой. И когда все приветствовали уже друг друга и сели за стол, чтобы разделить общую, как у первых христиан, трапезу, взял батюшка красное яичко и подошел к больной в угол:

— Христос Воскресе, матушка, — явственно произнес он и трижды облобызал родное лицо.

— Антипушка? — только прошептала Фотинья. — Ты?

— Я, матушка, — ласково ответил великан.

— Вернулся, — и больше уже ничего не прибавила Фотинья, так и умерла с пасхальной улыбкой на устах. И похоронили ее под радостное пение о воскресении, в тихий весенний день, вдрог наступивший после холодной зимы.

Уходил странник из деревни под вечер, шел с узелком своим в руках по знакомым с детства тропкам, шел и смотрел во все стороны, со всем прощался.

Держал он путь к мосту, что за пределами деревни. И встретил на самом мосту Ваську-Вихрастого; не узнал его друг детства, уже разминувшись они, когда окликнул его странник по имени и прозвище прибавил.

— Да ты кто такой? — недружелюбно отозвался председатель Сельсовета.

— Аль не признал? Антип я, — ответил странник.

— Антип? Постой, да не ты ли тот беглый поп, которого черт сюда занес на мою погибель?

— Я самый, а только меня не черт сюда занес.

— Да, ты-то уйдешь, а мне потом кашу расхлебывай, ведь донесут куда надо о том, что у нас тут Пасху справляли только что не с колокольным звоном, а я потом в ответе, — хмуро проворчал председатель. — Нет, действительно черт принес!

— А ты в Бога веришь?

— Нет, какой-там, я-то не верю, но только мне это не поможет, — горячился Васька-Вихрастый, — все равно я за всех в ответе.

— Погоди, погоди, давай разберемся по всем правилам вашей коммунистической логики. Значит в Бога ты не веришь, ну а в черта, в него веришь?

— Ой, черт, ведь вот запутал, действительно, в черта верю, — простоудушно признался незадачливый председатель.

— Знаешь что, мне с тобой потолковать надо, пойдем-ка да присядем где-нибудь подальше от дороги, — предложил Антип. Оба направились по тропинке, извивавшейся вдоль реченки.

— Помнишь? — вдруг остановился Васька-Вихрастый и показал пальцем на крутой спуск к берегу, оставшийся у них справа.

— Как не помнить, — ответил Антип и оба замолчали, на минутку уйдя в общее прошлое.

А вспомнилось им вот что:

Жаркий летний день. Оба они мальчешки лет по двенадцати, бегут на переконки к речке, купаться. Споткнулся Антип, бывший спереди, и полетел, а через него кубарем покатились и Вихрастый. Оба встали и, хохоча, принялись поглаживать ушибленные бока.

Тут вдруг друг Вихрастый схватился за карман и побледнел: пропал пятак, с которым послал его тятка в лавку купить соли и спичек. А тятка — строгой; чуть что — рука так и тянется к кнуту! А купаться идти его сманил повстречавшийся друг Антипка, ах ты, горе! Начали искать мальчишки, весь обрыв облазили, руки, ноги поободрали, да что же там найдешь в густой траве, да кустах.

Присели друзья на обочине, мордочки у обоих озабоченные, а у Вихрастого так даже губы уже дергаются, и не знают как беде помочь. Видят, идет по мосту женщина, взгляделся Антип и радостно кликнул: "Матушка!", а за ним и Вихрастый тянет жалобно "Матушка!" Свернула женщина с дороги, нашла ребятишек, выслушала про их беду, засмеялась, вынула из кармана пятак, положила на крепкую, заскорузлую ладонь Вихрастого, пригладила непокорный вихор у Антипа на голове и обрадовалась, сказав: "Ну, идите с Богом, сначала в лавку, а потом и покупаться успеете".

И такая была радость в тот жаркий летний день после того, как снесли они покупки Васькиному отцу и снова очутились на крутом обрыве к реке и теперь уже с полным сознанием своего права, как школьники, распушенные после строгого урока, ринулись вниз в студеные струи Егозики.

— Да, хорошие были времена, — протянул наконец Вихрастый.

— Вестимо лучше, чем теперешние, охотно подтвердил Антип. — Вот до чего вы страну довели.

— Вы... а не мы?

— Да, уж, что греха таить, есть тут и моя доля, и я вашему красному дьяволу послужил...

— А давно ли в попы пошел?

— Да уж больше десяти лет; я сан на Соловках принял, а прошлой осенью свой срок отсидел и отпустили меня. Ну, я и побрел домой, хотел родные места посмотреть, матушку повидать...

Вот и привелось... в последний ее путь отправил... — он отвернулся. — И вот тебе мое слово на прощанье — я о тебе справки навел и всю вашу подноготную знаю: ты народу поблажки даешь — и народ за тебя стоит. "Хошь и коммунист, а добрый парень". Так ты и дальше так же орудуй, сердце у тебя есть, русский же ты все-таки человек; и о душе своей подумай — не вск же ты жить будешь, все равно на том свете ответ придется держать. А может и на этом еще — может, и ваша сатанинская власть не на век нас полопила, может, простит нам Господь тяжкие грехи наши и пошлет времена мирные, тогда и здесь тебе счет предьявят. Знаю, что хочешь сказать, — рукой остановил он открывшего было рот Вихрастого, — что многое не по твоему делается, а как сверху прикажут — верю и в это, да ведь на то тебе и ум дан, иди на пролом и помогай своим. Знаю, что не легкое твое дело. Только не ищи себе славы, да не занскивай у начальства, а придется пострадать за правду — будет это тебе искуплением и не зря, значит, пострадаешь, а за народ. Так что ли браток?

— Так, вестимо так, — дрогнувшим голосом ответил Вихрастый и старые друзья трижды поцеловались на прощание. И разошлись.

Пошел странник вдоль берега Егозики, малой тропкой, с детства знакомой, напевая пасхальное: "Яко друг друга обьем, ненавидящим нас простим вся воскресением и единым духом и единым сердцем"...

Л. Башкирова

ЧИТАЙТЕ в следующем номере продолжение репортажа СОРОКАЛЕТНИЕ ФЕВРАЛЯ!

"ВОЗРОЖДЕНИЕ"

Единственный ежемесячный русский национальный литературно-политический (с иллюстрациями) журнал, издающийся в Париже

В тетрадях "ВОЗРОЖДЕНИЯ" читатели найдут: литературный отдел — произведения современных русских писателей; анализ событий и жизни в СССР; международное политическое положение и жизнь эмиграции

В АРГЕНТИНЕ ПОДПИСКА НА 1957 ГОД И ПРОДАЖА:

1. D. Lasco — Calle Beazley 3590-92. Buenos Aires
2. B. Riasnansky — Obligado 2130. Buenos Aires
3. J. Knircha — Pedernera 772. Buenos Aires

Н. Потоцкий

Открытое письмо М. Вишняку

Торжественного собрания в честь «Великого Февраля» наши демократические зубры устроить все-таки не рискнули, смелости на это у них не хватило. Но так как обойти молчанием столь великий юбилей было бы для них слишком уничижительно, то им не оставалось ничего иного, как повторить в своей прессе свои избитые фальшивки. И вот в № 1030 «Русской Мысли» эс-эр Марк Вишняк рисует нам по затасканному трафарету лубочную картину позорного февральского бунта. «В Петрограде Февральскую революцию 1917 года начали женщины в очередях за хлебом. Продовольственная неурядица вызвалаличные демонстрации, в которых приняли участие: молодежь, бастующие рабочие, обыватели. Движение поддержали солдаты — в первую очередь Павловцы, потом Волынцы, — Государственная Дума, все население столицы, потом вся страна».

Ваша первая фальшивка, г. Вишняк, состоит в том, что в Вашем, с позволения сказать, анализе революции, Вы показываете только ее авансцену, но ни звука не говорите о том, что творилось за кулисами, о ее режиссерах, машинистах и суфлерах, Вы умалчиваете о том, что за этими кулисами уже несколько месяцев, как был сколочен самый настоящий заговор при участии Гучкова (который в своих воспоминаниях подтверждает факт его существования), Милюкова, Родзянко и др.

В Вашем «историческом» описании Февраля — на каждом шагу ложь и фальшивка, фальшивка и ложь... «Женщины начали Февральскую революцию!» Думали ли эти женщины о свержении Монархии, т. е. о главной цели революции? Молодежь? Честная патристическая молодежь уже давно вся была на фронте и в военных училищах и думала не о революции, а о победе над внешним врагом, а в Петрограде остались всякие маменькины сынки и окопавшиеся в тылу земгусары. Какие «Павловцы», какие «Волынцы» находились в Петрограде? Настоящие Павловцы и Волынцы исполняли свой долг на фронте, а петроградские запасные полки под этими названиями были сборищем плохо дисциплинированных шкурников и дезертиров, как огня боявшихся фронта, почему их первым «патристическим» актом и было требование оставления их в столице до конца войны — хороша же была опора Вашей «революционной демократии», г. Вишняк! Какой процент всех русских рабочих составляли «бастующие рабочие» Петрограда? Кто спросил мнения тульских, уральских, коломенских, иваново-вознесенских рабочих, самоотверженно крепивших оборону страны своей работой на армию, хотя бы они отречения Императора? Государственная Дума? Являлась ли она подлинной выразительницей идеалов российских трудящихся масс и многовековых национально-государственных традиций Великой Российской Нации? Вся страна? Страна была поставлена перед совершившимся фактом (как и Действующая Армия), страна была растеряна, морально выбита из колеи, и «восторженно и с энтузиазмом встретили национальную революцию» только Ваши единомышленники и политически безграмотная молодежь.

А не скажете ли Вы, г. Вишняк, много ли осталось от этого восторга и энтузиазма уже летом того же «великого» 1917-го года, например, при эпическом зрелище «взбунтовавшихся рабочих» под Калущем и Тарнополем, и так ли Вы уж радовались, гуляя по заплеванному семечками проспектам Петрограда и созерцая тех же «Павловцев» и «Волынцев» без поясов и в шинелях в нарядку и без погон под балконом особняка Кшесинской, приветствовавших Ленина криками: «правильно, товарищ, правильно!» Какой восторг! Неужели и тогда Вы не поняли, что, как пишет Ваш же собственный редактор, г. Водов, «власть очутилась в слабых и неопытных руках» и что Ваши единомышленники, ставшие у кормила власти показали свое абсолютное ничтожество и бездарность в области государственного управления и одержания победы над врагом?

Вы умышленно подчеркиваете Ваше определение Февральской революции, как «национальной», бросая этим вызов непримиримым противникам Фев-

раля. Позвольте сказать Вам прежде всего, что не Вам оперировать такими терминами: каким может быть его внутреннее содержание для Вас, интернационалиста, социалиста и, уж конечно, атеиста? Если Вы хоть немного способны к добросовестному анализу и серьезному употреблению подобных понятий, то Вы должны признать, что **национальной** революция может быть только тогда, когда она свергает режим, показавший свою неспособность служить духовным и экономическим интересам **Нации**, организовать ее внешнюю оборону и ставший чуждым ее народному духу. Неужели же Вы будете утверждать, что тот колоссальный прогресс, который происходил в России перед Первой Мировой войной в области народного хозяйства и народного просвещения, осуществлялся без всякого участия «режима»? Не служителями ли это го режима были Столыпин, Коковцев, Витте, которого Вы сами называете «деловым человеком, прагматиком»? Отвечала ли Ваша «национальная» революция интересам Российской Нации в тот момент, когда только несколько месяцев отделяли ее от несомненной и блестящей победы? Или Вы будете повторять басню, уже сданную в архив всеми добросовестными исследователями той эпохи, что без свержения Монархии Россия не смогла бы одержать победы над внешним врагом?

Известно ли Вам, в какую страшную силу превратила Русскую Армию к 1917 году именно Монархия с помощью всех лучших людей Российской Нации? Для Вас, как для человека с интернациональной духовной основой, конечно, неприемлема мысль, что до самого отречения Императора 15-миллионная Армия, т. е. квинт-эссенция Нации, сражалась за Веру, Царя и Отечество. Мы, строевые русские офицеры той эпохи можем Вам подтвердить это с полной уверенностью. А этот факт ярко показывает то, что Российская Монархия продолжала отвечать основам русского народного духа, всегда отталкивавшегося не только от любезной Вашему сердцу республики, но даже и от всяких ограничений Самодержавия, ибо в Самодержавии он видел не тот неограниченный абсолютизм, о котором твердят спаргалки Вашей партии, а власть, подчиненную религиозной совести и этой совестью ограниченную. — для Вашего атеизма это тоже китайская грамота. — а потому власть с точки зрения подлинных, духовных, нетленных ценностей, самую возвышенную, самую передовую, самую прогрессивную... И такую власть Вы, с Вашим единомышленником г. Водовым, называете «тоталитаризмом»! Какое убожество политического сознания, какая узость политического мышления!

И когда господа февральисты с победоносным видом оперируют заезженным доводом о том, что «если бы, действительно, существовавший режим был внутренне здоров и пользовался общим доверием и народной любовью, то он едва ли был бы свергнут с такой легкостью и быстротой» (С. Водов, № 1029 «Русской Мысли»), то мы только можем спросить их, не известны ли им хотя бы из современных газет многие случаи, когда совершенно здоровому организму умышленно прививаются сильные дозы яда, и человек, бывший в цветущем здравии, падает жертвой злоумышленников? И умирает очень быстро, на глазах у своей любящей и преданной ему семьи, обманутой негодлями. И почему те же господа февральисты никогда не отвечают на наш вопрос: если Февраль был осуществлением светлых чаяний Русского народа, если он был «внутренне здоров и пользовался общим доверием и любовью», то почему же он пал с такою легкостью и быстротой? Кто же и где же были его защитники? Где были в это время г.г. Вишняк и Водов? Почему они не стали в ряды несчастных юнкеров и женского батальона в Зимнем Дворце во дни Октября для самоотверженной защиты февральских «нетленных ценностей»? Почему они столь храбро разбежались от одного окрика пьяного матроса в первый же день открытия Учредительного Собрания, большинство в котором принадлежало как раз к партии г. Вишняка? Почему они не умерли за свою излюбленную свободу, а

ОТ ПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КОМИТЕТА в НЬЮ-ИОРКЕ

1

В советской печати и в советских радио-передачах появились, в последнее время, нападки на председателя Российского Политического Комитета, в Нью-Йорке Б. В. Сергиевского.

Так, например, советский пропагандный листок «За Возвращение на Родину», распространяемый из Берлина, обратился к русским эмигрантам, проживающим в Бельгии, с призывом не делать попыток к иммиграции в Соединенные Штаты, где им, по мнению советских пропагандистов, «угрожает опасность» попасть под влияние Б. В. Сергиевского.

Уехавший в 1956 году из Соединенных Штатов в Москву бывший советский агент А. Л. Казем-Бек, в своих выступлениях по Московскому радио, также выступил против нескольких русских политических и общественных деятелей, участвующих в работе Толстовского Фонда, в том числе и против Б. В. Сергиевского, которого он назвал «одним из самых ярых реакционеров в русской колонии Нью-Йорка».

Эти нападки на председателя Российского Политического Комитета свидетельствуют о том, какое значение коммунисты придают существованию организации, к ним непримиримой и, по мере своих сил и возможностей, защищающей интересы свободной России и русского народа перед общественным мнением Соединенных Штатов.

2

Российский Политический Комитет получил от М. А. Кингстон пожертвование в сумме 118 дол. 33 центов, собранных в Сан-Франциско (Калифорния) проживающими в этом городе членами Народно-Монархического Движения.

Это пожертвование было передано Российским Политическим Комитетом председателю Северо-Американского Отдела Совета Российского Зарубежного Воинства полковнику С. Н. Ряснянскому и включено им в более крупную сумму, переданную им Министру Обороны в Вене для распределения среди находящихся в Австрии русских участников Венгерского освободительного восстания.

3

В сотрудничестве с несколькими другими русскими воинскими и политическими организациями в Нью-Йорке, Российский Политический Комитет продолжает шаги для выяснения числа и положения русских участников Венгерского освободительного движения, находящихся ныне в Австрии и Венгрии.

Первоначальные, появившиеся в печати сведения о числе этих участников оказались очень преувеличенными. В какой-то степени они были, повидимому, вызваны тем обстоятельством, что во время Венгерского восстания в Австрию из Венгрии бежало некоторое, довольно значительное число советских граждан, преимущественно евреев из Прикарпатской Руси, воспользовавшихся событиями в Венгрии для бегства в свободный мир, но не имевших никакого отношения ни к советским войскам, находившимся тогда в Венгрии, ни к Венгерскому освободительному восстанию.

По сведениям из Австрийского осведомленного источника, в военном обмундировании советской армии из Венгрии в Австрию перешло только два человека. Число советских военнослужащих и не военных советских граждан (в том числе женщины и детей), бежавших во время Венгерского освободительного восстания в Австрию исчисляется в несколько сот человек. Австрийское правительство неоднократно заявляло, что каждый политический эмигрант, независимо от его национальности и гражданства, может рассчитывать в Австрии на политическое убежище.

Беженцы из Венгрии, ныне находящиеся в Югославии, будут — по полученным достоверным сведениям — в ближайшее время перевезены в другие государства.

жалко и позорно бросили ее в кровь и грязь большевизма?

Не лгите, г. Вишняк! Все равно Вам уже давно никто не верит. И именно поэтому нет у Вас и смены и Вы только напрасно пыжтесь и стараетесь не замечать, что и Вы, и Ваша партия уже давно превратились в ископаемых, место которым в музее политических древностей.

Н. Потоцкий

По понятным соображениям, Российский Политический Комитет лишен возможности передать огласке все имеющиеся в его распоряжении сведения о русских перебежчиках из Венгрии. Правление Комитета заверяет, однако, члены и единомышленников Комитета в том, что вопрос о судьбе этих перебежчиков продолжает быть предметом постоянной заботы Комитета.

Правление Комитета не производит, в настоящее время, денежных сборов в пользу названных перебежчиков, ибо суммы, собранные на эту цель русскими людьми в Соединенных Штатах, превышают существующую потребность.

Взносы и пожертвования на текущую работу Комитета можно, попрежнему, переводить по адресу:

Mr. B. Sergievsky, P. O. Box 136, Planetarium Sta. New York City 24, N. Y.

4

Российским Политическим Комитетом получены сведения и документы о пытках, которым в красном Китае подвергались некоторые русские эмигранты. Эти сведения и документы ныне изучаются и проверяются Комитетом и будут, после окончательной проверки, сообщены общественному мнению свободного мира.

5

17-го февраля 1957 года Российский Политический Комитет принял участие в большом открытом русском антикоммунистическом собрании, которое состоялось в Филадельфии и прошло с очень значительным успехом. Председателем Комитета Б. В. Сергиевским была произнесена, на английском языке, речь, содержавшая призыв к изменению отношения свободного мира к России и к русскому народу.

6

10-го марта, в Нью-Йорке, состоялось заседание Правления Российского Политического Комитета. Правление единогласно приняло к сведению сообщение Б. В. Сергиевского о том, что он отклонил полученное им от устроителей «Конгресса за Права и Свободу в России» приглашение принять участие в этом Конгрессе, который должен был состояться в Стокгольме и, по последним сведениям, состоится в Гааге 25-27 апреля 1957 года.

Отклоняя приглашение устроителей Конгресса, Б. В. Сергиевский руководился следующими соображениями:

1. Конгресс созывается на средства, отпущенные редакцией газеты «Посев». Как видно из неопубликованных в печати, но достоверно известных Российскому Политическому Комитету постановлений организационного комитета Конгресса, принятых 6-го января 1957 года, издательство «Посев» приняло на себя обязательство «оплачивать счета и давать под отчет средства по указаниям заведующего финансами организации одного комитета». Это обстоятельство свидетельствует о денежной зависимости предстоящего Конгресса от издательства «Посев».

2. Вышеупомянутая денежная зависимость вызывает естественное опасение, что Конгресс может оказаться рупором тех мнений и тенденций, которые, в последнее время, проявляются «Посевом» и которые вызвали протесты и возмущения многих бывших единомышленников и сотрудников этого издательства, как, например, бывшего председателя НТС в Западной Германии инж. А. Пиранга, бывшего члена организационного комитета Конгресса А. И. Михайловского и др.

Эти мнения и тенденции политической и морально отвергаются всей, действительно непримиримой к коммунизму Российской эмиграцией, о чем свидетельствует, например, письмо председателя СБОНР'а полковника Антонова члену организационного комитета Конгресса Л. А. Рару.

Российская антикоммунистическая эмиграция не может соучаствовать в попытках «Посева» признать Ленина великим преобразователем России, она не может соучаствовать в систематических попытках «Посева» реабилитировать чекистов и включить их в русскую зарубежную среду, она не может соучаствовать в попытках «Посева» франкфуртской фракции НТС и связанного с ними так называемого Российского Революционного Движения заменить непримиримость к коммунизму и к советскому строю тем «реформизмом», который — по мнению Б. В. Сергиевского, полностью разделенному Правлением Рос-

ПОЧТО-ГРАММА

Марине Сергеевне Кингстон

Ваш чек на \$ 60.25 долларов получил и сердечно благодарю Вас и остальных жертвователей за взносы на монархическое дело. Благодарю также за выраженные чувства и вознесенные молитвы.

В л а д и м и р

29-го декабря 1956 г.

г. Мадрид

ФОНД ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

В "Фонд Великого Князя Владимира Кирилловича" поступили следующие суммы:

от Родина — 1.000 фр., от Ревенко — 300 фр., от Красовского — 100 фр.

Через

ОТДЕЛ НАРОДНО-МОНАРХИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

г. Сан-Франциско, Калиф.

В Освободительный Фонд ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

Лист № 2

За месяца ноябрь-декабрь 1956 г. поступило от:

I. Месячные взносы

1. Анна Верховская, Сан-Франциско — 1 дол. за ноябрь; 2. К. Четверикова, Сан-Франциско — 1 дол. за ноябрь и декабрь; 3. М. С. Кингстон, Сан-Рафаэль, Калиф. — 4 дол. за ноябрь и декабрь; 4. Л. Тимофеева, Сан-Франциско, Кал. — 1 дол. за ноябрь; 5. М. К. Данилов, Сан-Франциско, Кал. — 0.50 дол. за ноябрь и декабрь; 6. Дьякон П. Грибановский, Монтерей, Кал. — 1.50 дол. за ноябрь и декабрь; 7. А. Капша, Нью-Йорк, — 6 дол. за ноябрь и декабрь;

II. Периодические взносы

1. М. Немов, Сан-Франциско, Кал. — 1 дол.; 2. Г. Гончаров, Сан-Франциско, Кал. — 0.50 дол.; 3. Церковный Комитет, Сан-Франциско, Кал. — 1 дол.; 4. В. Арсеньева, Сан-Франциско, Кал. — 1 дол.; 5. С. А. Касьянюк, Сан-Франциско, Кал. — 5 дол.; 6. А. С. Касьянюк, Сан-Франциско, Кал. — 5 дол.; 7. Д. П. Штогрин, Сан-Франциско, Кал. — 3 дол.; 8. И. К. Пчеляков, Сан-Франциско, Кал. — 2 дол.; 9. Лидия Ступенкова, Италия — 5 дол.; 10. А. Утехин, Мантека, Кал. 10 дол.; 11. Т. Л. Филантьев, Албон, Мичг. — 25 дол.; 12. Михаил Маслов, Патерсон, Нью-Йорк — 5 дол.; 13. Андрей Бокей, Флорида — 10 дол. Всего по листу № 2 месячных взносов 15 дол. и периодических взносов 73.50 дол.

Итого — 88.50 ам. дол.

Отправлено непосредственно в распоряжение Великого Князя Владимира чеком Амер. Экспр. Ко., за № 31.497.499 88.50 дол. и лист № 2.

М. Кингстон

сийского Политического Комитета в Нью-Йорке — обрекает предстоящий Конгресс на скользкий путь превращения антикоммунистической эмиграции в "оппозицию" коммунистической диктатуры в России.

3. Об этой тенденции свидетельствует также ставшее известным Российскому Политическому Комитету, но не опубликованное в печати, постановление организационного комитета Конгресса от 6-го января 1957 года о приглашении на Конгресс участников из СССР — писателей, академиков, директоров заводов. Если даже это приглашение кажется организаторам Конгресса удачным пропагандным ходом, оно во-первых, открывает коммунистической диктатуре возможность прислать на Конгресс своих явных или скрытых "деlegates" и, во-вторых, вызывает естественное предположение, что значительная часть этих приглашений будет обращена к членам коммунистической партии.

Председатель Российского Политического Комитета в Нью-Йорке полагает — и Правление Комитета разделяет это мнение — что эта попытка организаторов Конгресса перебросить мост к коммунистам в России, хотя бы под покровом "защиты прав и свободы", политически и морально совершенно неприемлемо и исключает возможность какого бы то ни было политического сотрудничества между Комитетом и лицами и группами, участвующими в созыве Конгресса.

7.

Правлением Российского Политического Комитета получено сообщение о том, что появившиеся в печати сведения о предстоящем участии А. Л. Толстой в "Конгрессе за Права и Свободу в России" не соответствуют действительности.

Нью-Йорк, 20-го марта 1957 г.

Михаил Бойков

От всей души

Такая книга в Южной Америке появляется впервые. Сборника стихов, подобного недавно выпущенному Анатолием Бор, здесь еще не было. Автор назвал его: "Свет и сумрак". Это название оправдывается вполне содержанием сборника.

Стиль его строго выдержан. Напечатанные в нем 64 стихотворения распределены по шести разделам. Первый из них: "Светлое", последний: "Тени сумрака", промежуточные между ними: "Свет отраженный", "Силуэты и вспышки", "Калейдоскоп блокнота" и "Кунсткамера". Автор в поэтическом зеркале отразил многие светлые, полусветлые, полутемные и сумрачные стороны нашего бытия в прошлом и настоящем, отразил интересно и оригинально.

Работал над этим сборником Анатолий Бор долго, почти все послевоенные годы в Европе и Аргентине, стараясь дать в нем самое лучшее из своего поэтического творчества. Это ему удалось блестяще. Стихи "Света и сумрака" написаны от всей души: и для читателя и для себя. Тематика и литературное качество стихов таковы, что даже самому строгому (но объективному! справедливому!) критику трудно будет раскритиковать их.

Прежде всего, глаз читателя радуется богатому разнообразию тематики сборника. В нем стихи о родине ("Россия" и "Паренек чубатый") и поэмы, написанные на религиозные темы ("Дары Христу" и "Свет разума"), поэтические пересказы старинных легенд ("Душу освещающий тени", "Мера за меру", "Сте на слез") и переводы иностранных поэтов ("Эмоции влюбленного" из Лопе де Вега, "Пепел" из Габриэли Мистраль), лирические стихотворения ("Девушке и океану", "Мозаика ожидания", "В жизнь нашей...") и ряд сатир, в числе которых есть антикоммунистические ("Я бы диктатором" и "Я часто думаю..."). О качестве стихов А. Бор читатель может судить по следующим строчкам:

"Наш корабль упорно и упрямо
Мчится к аргентинским берегам.
За кормой вскипает синий мрамор,
Пена волн горит, как жемчуга".
(Девушке и океану).

Или:
"И есть в улыбке русской этой
Веселых бликов свет и дрожь;
И ты объедешь всю планету,
Такой улыбки не найдешь".
(Паренек чубатый).

Или, наконец:
"Теперь ночами мне все чаще снится
Тот сердцу милый и любимый край;
Волною кланяется мне пшеница,
Колосья шепчут: "Не забывай!"
(Россия).

В своих сатирах А. Бор нисколько не уступает таким поэтам, как, например, Сала Черный. Размеры статьи позволяют мне привести лишь две наиболее коротких сатиры из рецензируемого сборника:

"О, мы привыкли повторять всегда:
— "Тем ярче жемчуг звезд, чем ночь темнее".
О, разумеется, что звезды ярче — да,
Но люди, к сожалению, не светлее".

"Н. Н. разубеждать меня не надо.
Как бы были б вы в споре горячи,
Ведь все равно эпилептический припадок
От таяния "мамбо" не смогу я отличить".
"Свет и сумрак" несомненно оставит глубокий и положительный след в русской зарубежной поэзии и среди читателей-эмигрантов. Даже люди, обычно не любящие стихов, прочтут с интересом и удовольствием лучшие образцы поэтического творчества Анатолия Бор. Его сборник оригинален, интересен и патриотичен, начиная от обложки, прекрасно и со вкусом сделанной художником Владимиром Островским и кончая восьмью строками, с которыми ав-

REBELION EN POZNAN

(Continuación)

No hay diferencia de opiniones al respecto: el ejército fue en Poznań inseguro, si no desleal. Y pues las causas de esta actitud (la dominación rusa, especialmente militar, y la ruina económica) son comunes en todo el país, puede afirmarse sin duda alguna que el estado de osas revelado en Poznań delata la insatisfacción interior de todas las fuerzas armadas polacas. Es significativo que a los pocos días de la revuelta de Poznań, cuatro pilotos polacos desertaron con sus aviones para refugiarse en el Occidente.

El episodio de Poznań debe, lógicamente, haber ocasionado grave preocupación al gobierno de Varsovia. Y no habrá sido menos perturbador para el Kremlin porque casi todos los ferrocarriles, carreteras y líneas militares de comunicación entre Rusia y la Alemania Oriental, es decir, entre Rusia y el Occidente, pasan por Polonia.

Tanto Varsovia como Moscú tienen otro serio motivo de inquietudes. Lo de Poznań desmintió la general presunción de que los regímenes comunistas, cualesquiera que sean sus dificultades con la gente adulta, cuentan con la adhesión entusiasta de la juventud. La intervención de los jóvenes fue prominente en la revuelta de Poznań. Algunos testigos opinan que ellos constituyeron la mayoría de los combatientes.

Продолжается подписка на
ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

НАША СТРАНА

основанную И. Л. Солоневичем
под редакцией Вс. Дубровского

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА

Аргентина — 3 песо; САСШ — 30 ам. цент.; Канада — 30 кан. ц.; Бразилия — 6 круз.; Венесуэла — 1 бол.; Уругвай — 40 ур. цент.; Парагвай — 8 гуар.; Чили — 25 чил. песо; Англия — 1 ш. 3 пенса; Франция — 60 фр. фр.; Бельгия — 10 бельг. фр.; Швейцария — 1 шв. франк; Германия — 75 пф.; Иран — 10 риал; Австралия — 1 ш. 6 пенс. австр.; Марокко — 60 фр.; Италия — 150 лир; Голландия — 0.65 гульдена; Швеция — 1 шв. кр.

С ДОСТАВКОЙ ПО ВОЗДУШНОЙ ПОЧТЕ

В САСШ и Канаде — 35 цент.; в Бразилии 8 круз.; в Венесуэле — 1.25 бол.; в Парагвае — 10 гуар.; в Чили — 50 чил. песо; во Франции — 100 фр. фр.; в Германии — 1 нем. марка; в Голландии — 1 гульден.

В розничной продаже и при подписке — цена номера одинакова. Подписную плату настоятельно просим вносить не менее чем за десять номеров вперед.

ПОДПИСКА

принимается Редакцией "Нашей Страны" и ее представителями на определенное количество порядковых номеров, или на срок на 6 или на 12 месяцев (подписная плата в этом случае равна соответственно стоимости 25-ти или 50-ти номеров

тор обращается к читателю в "Постскриптуме":

"И если будешь ты за океаном,
И если будешь ты в стране глухой,
Я писем емких слать не стану,
Я сердцем буду говорить с тобой.
Нет, никакой искусственной гранью
Духовный мир наш разделить нельзя:
Без трансмиссор на дальнем расстоянии
Мы будем чувствовать, что мы — друзья".

К сожалению эта хорошая книга несколько испорчена излишним количеством, — мягко выражаясь, — типографских ошибок и опечаток...

Анатолий Бор писал от всей души для читателей "Свет и сумрак". Читатели должны бы тоже ответить ему от всей души, побыстрее раскупив его книгу и помочь этим автору выпустить второй сборник стихов, который уже подготовлен к печати.

Михаил Бойков

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
Н У Е С Т Р О П А И С

Organo Monárquico Ruso

Casilla de Correo 2847
Buenos Aires
Argentina

ПРЕДСТАВИТЕЛИ

AMERICA DEL SUR:

Brasil: Leo Rubanov, Caixa postal 8464
Correio Central, Sao Paulo.

Chile: Sr. Nicolás Rogaley, Alameda Padin 2128 (por Beaucheff altura 1706).
Santiago de Chile.

Venezuela: Sr. K. Kellner, Av. Sarria 24,
Quinta Coromoto (Club Ruso), Caracas.

Paraguay: Sr. A. F. Lapchinsky, M.P.
O. C. Dirección General de Vialidad,
Alberdi esq. Gral. Díaz. Asunción.

U. S. A.

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe av.
San Rafael, Calif. USA.

Mr. A. Klushkin, 196 — 6-th Ave, Apt. B.
San Francisco 18, Calif.

Mr. M. Maltzoff, 1332 Lucille Ave, Los
Angeles 26, Calif.

The Russian National Book Store, 327 E.
14-th St. New York 3, N. Y.

Allies Book Shop, 3456, Broadway, New
York 31, N. Y.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 12036-90 Str.
Edmonton, Alta.

Mr. A. Kostyria, 6 Argyle St, Toronto 3,
Ont.

Mr. André Alpatoff, 12337 Rue Dioné
Cartierville (Montreal) P. Q.

"Derby Universal Book Agency", P.O.B.
No. 27, Station "B". Phone Jackson—
2-3927. Hamilton, Ontario

EUROPE

Belgique: Librairie et Bibliothèque Slave — 13, Rue de Roumanie, Bruxelles

France: Mr. A. Krivocheieff, "Kama" — 27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine, Seine.

Germany: Frau J. Seuberlich, Wolfsburg
Postfach 63.

Italia: Sr. Prof. B. Sciriaev, Cas. postale 102, San Remo.

Grèce: Mr. Filatoff, Rue Dedalou 26,
Athènes.

Norge: Mr. F. Dymsha, Möller gt.
42/III. Oslo. Norge

Holland: G. A. Kolf, Amsterdamene
Weg 96, Arnhem.

AUSTRALIA

Mr. Parker, 28 Queen Beas Str. Burarra,
Brisbane, Q-d.

Mr. P. Ostashkevich, 7 Whinham Str.,
Fitzroy, Adelaide.

Polyglot Book Depot, Post Office
Carrum, Melbourne, Vic.

Mr. M. M. Spassovsky, 8, Richmond Str.,
South Wentworthville, N.S.W.

ASIE

Iran: Leon Popoff, 273, Ave. Ferdowsi,
Teheran.

ФОНД ИЗДАТЕЛЬСТВА
ИМЕНИ
ИВАНА ЛУКЬЯНОВИЧА
СОЛОНЕВИЧА

В "Фонд издательства имени Ивана Лукьяновича Солоневича" поступили следующие суммы:

от Дмитриева — 350 фр.
По подписному листу РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГАЗЕТЕ "НАША СТРАНА": Пшеничный — 1.000 фр., Царь А. Н. — 1.000 фр., К. — 300 фр., Х. — 300 фр., М. — 300 фр., Дашкевич Н. — 300 фр., Лисицын М. Д. — 500 фр., Коцарев А. Г. — 500 фр., Чаков Г. К. — 1.000 фр., Сидоренко — 500 фр., Платов В. П. — 500 фр., Л. И. Ч. — 300 фр., Богос — 300 фр., Погребняк — 1.000 фр., В. Д. — 500 фр. Итого — 8.300 фр.

Редакция "НАШЕЙ СТРАНЫ" сердечно благодарит друзей газеты, пришедших ей на помощь в один из самых тяжелых периодов ее существования. Спасибо!

ПОСТУПИЛО
НА ИЗДАНИЕ ИСТОРИИ РОССИИ

от Родина — 1.000 фр.